

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ В ГЕРМАНИСТИКЕ

Розглянуто особливості формування нормативних концепцій у дискурсі розвитку німецької германістики. Проаналізовано концепції формування нормативних критеріїв німецької мови та створення системи норм.

Ключові слова: норма, мовні товариства, модель.

Рассмотрены особенности формирования нормативных концепций в дискурсе немецкой германистики. Проанализированы концепции формирования нормативных критериев немецкого языка и создания системы норм.

Ключевые слова: норма, языковые общества, модель.

The article considers peculiarities of the formation of linguistic norm concepts in the discourse of German linguistics. Concepts of creation of normative system in German are being analyzed.

Keywords: norm, language societies, pattern.

Процесс формирования системы норм современного немецкого языка и становление теоретического фундамента этого процесса в настоящее время представляет собой одно из направлений исследований в публикациях, в которых рассматриваются различные аспекты развития немецких языковых норм [1; 2]. Вместе с тем по-прежнему требуют более детального изучения те моменты, которые оказали решающее влияние на формирования лингвистических концепций в рамках дискурса о едином немецком языке. В этой связи представляется актуальным рассмотреть становление ранних концепций немецких языковых обществ, которые отражают динамику развития лингвистической теории и становление системы единых наддиалектных норм. Этот аспект не только стал ключевым элементом в теоретических работах языковых обществ, но и оказал определенное влияние на построение целостной системы языковых норм формирующегося единого национального языка.

Интерес вызывает тот факт, что диалектно обусловленная полифония регионально ограниченных языковых норм в среде языковых обществ рассматривается как фактор, тормозящий формирование системы единых норм, имеющих общенациональный обязательный характер. Оставляя за рамками статьи социально-исторические реалии того периода, достаточно описанные в исследовательской литературе и определявшие этапы становления единого национального немецкого языка, отметим растущее понимание ограниченной возможности использования норм всех существующих диалектов для рационально нормированного национального языка. Под влиянием идей сакрального дискурса о непосредственной генетической связи немецкого языка с праязыком любой из диалектов предлагалось рассматривать как конструкт более низкого уровня, образовавшийся в результате распада единого языка. При этом такой конструкт рассматривался как не способный адекватно передавать нормативные параметры разрушенного единого праязыка в

силу того, что он не обладал в полной мере всеми его качествами. В основу подобных рассуждений была положена концепция изначальной фундаментальной корректности, чистоты и точности немецкого языка, который противопоставляется неустойчивому и хаотичному, ненормированному узусу диалектов. Подобное противопоставление норм употребления, принятых в среде языковых обществ, и ненормированного употребления или, говоря языком обществ, «неправильных привычек» составляет один из ключевых теоретических постулатов, призванных обосновать необходимость создания предписывающих норм. Особо следует выделить формирующееся осознание необходимости опираться при этом на равно значимые общие языковые явления в среде диалектов и корректное использование языковых средств, и осознание необходимости исключить моменты узкодиалектного характера, которые, с точки зрения единой системы норм, рассматриваются как нормативно субуровневые. Вероятно, именно этот факт можно интерпретировать как ключевое рациональное зерно, определившее впоследствии видение конкретных путей создания (вернее, воссоздания – в соответствии с лингвистической логикой того периода) единого нормированного национального языка.

Подобные факты, как и прочие теоретические рассуждения, опирающиеся на существовавшие на тот момент философские доктрины и лингвистические концепции, можно признать существенным звеном теоретического наследия немецких барочных языковых обществ. Большинство сохранившихся документальных материалов затрагивают при этом, главным образом, вопрос о генезисе немецкого языка, его истоках и возможных направлениях его дальнейшего развития в условиях активного взаимодействия с другими европейскими национальными языками. Лингвистический дискурс языковых обществ того времени свидетельствует о безоговорочном и безусловном принятии сакральной концепции появления и дальнейшей дифференциации языков. Вместе с тем представители немецких барочных языковых обществ фактически заложили основы лингвистического дискурса современной германистики и стали местом апробации языковых концепций, призванных в равной степени обосновать и легитимировать статус языка формирующейся нации.

Выстраивание системы теоретических аргументов, укрепляющих позиции формирующегося немецкого языка, позволяет заметить концептуальное стремление использовать в качестве фундаментального критерия качественные и количественные характеристики лексического состава и его функциональной реализации. Такой подход можно считать вполне закономерным, поскольку члены барочных языковых обществ рассматривали подобный подход как наиболее легко реализуемый и в то же время наиболее эффективный. Его результатом в первую очередь должны были стать систематизированные лексикографические источники, которые, помимо прочего, фиксировали бы и нормативные аспекты как в описательной, так и в предписывающей форме. Исходной точкой рассуждений опять-таки являлась лингвофилософская интерпретация сакрального дискурса о генезисе немецкого языка и его непосредственной связи с праязыком. Опираясь на этот дискурс Гейнц, а за ним и Цезен фактически начинают рассматривать генезис немецкого языка как факт, априорно определяющий его уровень как качественно абсолютный. Подобный подход предполагал, что практически любой элемент корпуса немецкого языка изначально заложен в природе, изначально предопределен с точки зрения генезиса и может быть зафиксирован в пределах корпуса словаря. При этом становится очевидной тенденция к интерпретации самой лексической системы формирующегося немецкого языка как некой изначальной сакраль-

ной данности, которая способна покрыть абсолютно все потенциальные потребности носителей языка. Следует подчеркнуть, что в рамках такого подхода вступает в определенное противоречие открытость языковой системы (и обусловленная этим динамика развития словарного состава) и изначально предопределенные, мыслящиеся как статичные, количественные границы лексикографических источников. Реализация подобного подхода в действительности означает, что формирование корпуса словаря немецкого языка фактически имеет репродуктивный характер, воспроизводя сакрально уже заложенные в его первооснове единицы и определяющие их критерии. Такой подход давал возможность теоретически обосновать самодостаточность лексического состава немецкого языка и самодостаточность его словообразовательных средств, изначально способных к репродукции формативов лексем-обозначений развивающегося социума. Это, в свою очередь, позволяло в дальнейшем не только выдвинуть идею неприятия иноязычной лексики, но и абсолютизировать эту идею, как нормативно легитимную [3, II, с. 518].

Одной из особенностей лингвистической мысли того периода следует признать интенсивный дискурс, призванный укрепить позиции формирующегося национального языка среди других языков, что отражается в утверждениях о безусловном фактическом равноправии немецкого языка среди прочих уже сформировавшихся на тот момент европейских языков, о его способности быть столь же приемлемым для передачи научных знаний и прочих функций, как и другие языки. Справедливо ставя под сомнение попытки ограничить способность любого существующего языка адекватно вербализировать когнитивные процессы и их результаты, Харсдерфер, например, в своих рассуждениях подчеркивает неправомерность попыток рассматривать такую функцию языка исключительно как прерогативу одного или даже нескольких конкретных языков, подчеркивая универсальный характер этого явления. Его вывод о способности самого немецкого языка генерировать новые лексем, адекватно отражающие окружающую действительность, имеет принципиальное значение в связи с тем, что в рамках формируемого нормативного дискурса использование заимствованных иноязычных лексем следовало заменить передачей содержательной стороны за счет реализации словообразовательного потенциала немецкого языка, естественно вытекающей из его способности адекватно отображать любые явления окружающего мира.

Особый интерес вызывает дальнейшее развитие этой идеи, выразившееся в стремлении казуально связать утрату аутентичной праформы немецкого языка с несоблюдением норм употребления языка со стороны его носителей. Именно этим, якобы, и обусловлена частичная утрата изначальной внутренней чистоты и изначального совершенства, что деструктивно сказалось на лингвистических параметрах языка, негативно повлияв на его способность адекватно и полно отображать окружающую действительность [4,10]. В этой связи, сознавая необходимость определенных изменений в языковой практике, представители языковых обществ предлагали в качестве наиболее приемлемого пути «возрождения» немецкого языка корректное применение собственных языковых норм, то есть предлагали использовать конвенциональные нормы, формировавшие узуальные параметры их социетарной коммуникации. Идея такого подхода к нормированию заключалась в том, чтобы таким путем постепенно добиться внедрения и последующего закрепления нормативных стандартов языковых обществ не только среди узкого круга их участников, но и транспонировать эти нормы на более высокий уровень, добиваясь их надрегионального функционирования. Отдельного упоминания заслуживает идея о соответствии лингвистических стандартов опре-

деленным историческим обстоятельствам, поскольку именно из этого вытекала их точность и уместность. Создание именно таких норм, которые были бы основаны на учете фундаментальных языковых закономерностей, и должно было объективно привести носителей языка в конечном итоге к практике нормированного языкового употребления, исключая ненормированные речевые акты, независимо от социального статуса самих носителей языка.

Отдельно следует отметить наметившееся постепенное смещение акцента с уже упомянутого выше концептуального отождествления немецкого языка с праязыком, игравшим чрезвычайно важную роль в теоретическом дискурсе того времени. Становится очевидным тот факт, что использовавшаяся ранее пассивная проекция нормативного аспекта сакрального дискурса постепенно заменяется растущим осознанием крайней необходимости и исключительной важности систематической филологической работы по изучению и эмансипации формирующегося национального немецкого языка. В свою очередь, это вызывает определенные изменения в иерархии сложившихся представлений и теоретических концепций. При этом становится все более очевидным, что активный поиск фактов, призванных подтвердить гипотетическую генетическую связь немецкого языка с сакральным праязыком, постепенно утрачивает свою актуальность. На первый план все больше выдвигается необходимость в таких теоретических постулатах, которые можно было бы использовать для теоретического обоснования и поддержки процессов формирования единого национального языка. Этот момент, как кажется, имеет принципиальное значение, поскольку отражает концептуальное изменение направления теоретической мысли в филологии того периода. На языке современной германистики этот момент, скорее всего, можно интерпретировать как ослабление господствовавшего до определенного времени диахронического подхода и осознание необходимости актуализации синхронического плана филологических исследований. Такая переориентация должна была закономерно привести к описанию и формированию системы актуальных норм национального языка, что, в свою очередь, позволило бы вновь убедиться в совершенстве его орфографии, словоупотребления и других его аспектов. Результаты такой языковой работы (Spracharbeit) должны были неизбежно привести к тому, что немецкий язык обретет всеобщее признание и займет подобающее ему место среди прочих европейских языков [5, с. 124].

Разумеется, было бы не совсем корректно утверждать, что лингвистический дискурс немецких барочных языковых обществ уже заключал в себе в сформировавшемся виде все основополагающие концепции и идеи, определившие вектор развития современной германистики. Вместе с тем едва ли можно также оспаривать тот факт, что ранние концепции барочных обществ формируют основы системного представления и интерпретации языковых фактов и их последующей интеграции в дискурс о зарождающемся национальном языке в контексте формирования немецкой нации. Процессы систематического нормирования немецкого языка естественно концентрируются, главным образом, вокруг текстовой практики языковых обществ. Акцентирование необходимости текстовой репрезентации языковых норм и результатов процессов языкового нормирования подчеркивает концептуальную новизну оценки реальной степени нормативности со стороны языковых обществ. Создание гомогенной системы норм, призванной трансформировать волюнтаристические речевые акты в нормированную общественную практику, можно рассматривать в качестве центрального звена программ барочных немецких языковых обществ. Чтобы придать фиксируемым нормативным положе-

ниям статус более существенный, чем статус формального перечня устойчивых общих закономерностей, было необходимо существование текстовых материалов, которые, помимо фиксации предлагаемых норм, возвели бы их в стандарт, придав им, таким образом, абсолютный обязательный характер. Представители языковых обществ могли, таким образом, предложить собственные текстовые документы в качестве уже легитимного нормативного ориентира. С другой стороны, таким путем решалась задача по формированию и обоснованию предпосылок для последующей акцептации узких социетарных норм и восприятия самих представителей языковых обществ в качестве легитимной нормирующей силы. Подобно однотипным европейским объединениям, немецкие барочные языковые общества демонстрируют переход от имитации норм предшественников к утверждению собственных концептов и векторов лингвистического нормирования. В работах, раскрывающих суть лингвистических рассуждений, отражаются стандарты, основанные на языковых фактах уже не классических источников пошлого времени, а на фактах современных и актуальных для них источников. В своей совокупности все это и позволило указанным концепциям оказать непосредственное влияние на формирование арсенала лингвистических идей XVII века, равно как и последующих этапов развития германистики.

Библиографические ссылки

1. **Kügel Werner:** Geschichte und Gedichte des Pegnesischen Blumenordens. – B. 2. – Shaker Media, Aachen, 2008.
2. **Newman Jane O.:** Pastoral Conventions, Poetry, Language, and Thought in Seventeenth-Century. – Nuremberg, Baltimore, London: The Johns Hopkins Un. Pr., 1990.
3. **Harsdörffer, G. P.:** Delitiae Mathematicae et Physicae: Der Mathematischen und Philosophischen Erquickstunden Zweyter Teil. – Nürnberg, 1651. Reprint Frankfurt, Keip Verlag, 1990.
4. **Schottelius, Justus Georg:** Ausführliche Arbeit von der Teütschen Haut Sprache/ Worin enthalten Gemelter dieser Haut Sprache Urankunft/ Uraltertuhm/ Reinlichkeit/ Eigenschaft Vermögen/ Unvergleichlichkeit/ Grundrichtigkeit/ zumahl die SprachKunst und VersKunst Teutsch und guten theils Lateinisch völlig mit eingebracht/ wie nicht weniger die Verdoppelung/ Ableitung/ die Einleitung/ Nahmwörter/ Authores vom Teütschen Wesen und Teutscher Sprache/ von der verteutschung/ Item die Stammwörter der Teütschen Sprache samt der Erklärung und derogleichen viel merkwürdige Sachen. Abgetheilet In Fünf Bücher. Ausgefertiget von Justo-Georgio Schottelio D., Braunschweig 1663. Nachdruck, hrsg. v. Wolfgang Hecht, 2. Bde., Deutsche Neudrucke. Reihe: Barock 11/12, Tübingen 1967. // Schottelius, Justus Georg: Ausführliche Arbeit Von der Teutschen Hautsprache 1663, hrsg v Wolfgang Hecht, Teil I-II, Tubmgen Niemeyer 1967(= Deutsche Neudrucke, Reihe Barock, Bd 11, 12), Teil I, S. 5.
5. **Harsdörffer Georg Philipp:** Prob und Lob der Teutschen Wolredenheit. Das ist: deß Poetischen Trichters Dritter Theil... Zu nachrichtlichem Behuff Aller Redner/Poeten/ Mahler/ Bildhauer und Liebhaber unsrer löblichen Helden Sprache angewiesen durch Ein Mitglied der Hochlöblichen Fruchtbringenden Gesellschaft, Nürnberg 1653. – Nachdruck in : Georg Philipp Harsdoerffer, Poetischer Trichter. – Darmstadt, 1969.

Надійшла до редколегії 20.02.2013